

ряло Кавелина съ настоящимъ, и въ этомъ разрѣшеніи онъ видѣлъ, какъ онъ выражался, „широкія перспективы“.

26-го сентября 1866 года онъ мнѣ писалъ:

...„Приближаются важныя и рѣшительныя времена въ судьбахъ Россіи, милый мой Дмитрій, и я не могу передать тебѣ, какъ ёкаетъ сердце въ груди, помышляя о томъ, что будетъ. Восточный вопросъ несется съ быстротой грозовой тучи, и не пройдетъ много времени—онъ разыграется. Въ этомъ вопросѣ —Гамлетово „быть или не быть“ для Россіи и славянскаго міра. Къ нашему счастью, Австрія ведетъ себя неимоверно глупо, — дразнить славянъ, которые могли бы составить ея силу, опирается на ненавистныхъ славянскому міру поляковъ и венгровъ и бросаетъ палки въ колеса Пруссіи, не умѣя разстаться съ мечтами о роли въ германскомъ мірѣ. Изъ этого выходитъ, что Пруссія, стѣсненная Франціей и Австріей, естественно отбрасывается къ намъ; славяне тоже пятятся къ намъ; Англія колеблется, и страшной коалиціи противъ насъ всей Европы,—которая дана обстоятельствами,—состояться не можетъ. Все это очень намъ на-руку, потому что мы теперь еще не въ состояніи дѣятельно вступить въ Восточный вопросъ, и должны играть выжидательную роль. Я ни на одну минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что, рано или поздно, турецкій и славянскій вопросъ будутъ въ нашихъ рукахъ; но какъ и когда—вотъ страшный вопросъ и драматическій интересъ минуты, въ которую мы живемъ. Увидимъ ли мы искупленіе славянскаго міра изъ египетской неволи подъ турецкимъ и нѣмецкимъ владычествомъ и совершеніе судебъ Россіи,—или это увидятъ наши потомки? Правду сказать, мы видѣли столько искупленій, что и не вѣришь счастію увидать еще новое. А оно близится. Нужно быть слѣпымъ, чтобъ этого не видать“.

16-го декабря 1866 года я выѣхалъ изъ Казани и, не останавливаясь въ Москвѣ, проѣхалъ въ Петербургъ. Поѣздъ подъ Малой Вишерой соскочилъ съ рельсовъ, но къ счастію ничего опаснаго не произошло и мы лишь запоздали прибытіемъ въ Петербургъ: вмѣсто 20-го декабря утромъ, попали туда въ часъ ночи на 21-е декабря. Я желалъ какъ можно скорѣе повидать дядю и Соню, но долженъ былъ нѣсколько умѣрить свой порывъ. Я остановился у родственницы моего отца, и весь день проскучалъ въ ея обществѣ, чтобы не оскорбить старушки немедленнымъ исчезновеніемъ изъ-подъ ея гостепріимнаго крова. 22-го декабря, часовъ въ 10 утра, я поспѣшилъ къ Кавелину.